

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

А. Я. ГУРЕВИЧ и М. А. ЗАБОРОВ

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖУРНАЛА „BYZANTIUM“ за 1944—1950 гг.

Журнал „Byzantion“ является в настоящее время главным органом византиноведения в капиталистическом мире; в вышедших в последние годы четырех очередных томах его ярко проявился глубокий упадок этой отрасли буржуазной исторической науки.

Необходимо прежде всего констатировать чрезвычайную пестроту и мелочность тематики публикуемых здесь материалов. В большом количестве заметок, посвященных тем или иным терминам и выражениям источников, „святым“ и епископам, печатям и археологическим деталям, разбору отдельных известий о битвах, посольствах и т. д., совершенно невозможно уловить какую-нибудь общую идею, общий интерес к существенным вопросам истории Византии, словом — стремление к изучению закономерностей исторического процесса. Отсутствие такой единой направленности исследовательской мысли, крайнее распыление научных интересов историков, раздувание эпизодических, незначительных фактов византийской истории — явление далеко не случайное в современном буржуазном византиноведении. В. И. Ленин в свое время вскрыл идейную основу „интереса“ к мелочам и случайностям истории, ставшего господствующим в буржуазной науке в эпоху империализма. Этот „интерес“ является лишь выражением стремления буржуазных историков — идеологов идущей к гибели буржуазии — изгнать из истории закономерность, представить историю в виде бессвязного нагромождения случайностей — „загородить лес — деревьями“.¹ „... Отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития“, — таков, по мысли В. И. Ленина, классовый смысл этой „мертвой и мертвящей схоластики“.²

Авторы статей, помещенных в журнале, замаскированно или открыто отказываются от признания исторической закономерности и рассматривают исторический процесс как нагромождение случайностей. Хорошо известно, что „ученые лакеи“ буржуазии не хотят понимать роль классовой борьбы и значение социально-экономических проблем, — и все же собранные в журнале статьи поражают своим пренебрежением к истории

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 179.

² Там же.

народных масс, истинных творцов истории. Эти статьи свидетельствуют, с другой стороны, о том, какую роль придают идеологи буржуазии войне и религии — средствам массового уничтожения и массового обмана, — ибо в „Byzantion“¹е провозглашается, что именно война и религия являются творческими силами, формирующими общество. Буржуазные византилисты идеализируют византийское государство, преувеличивают значение византийской культуры и старательно подчеркивают то мнимо благодетельное влияние, которое „византийская цивилизация“ якобы всегда оказывала на соседние народы и и прежде всего — на славян.

Все это — признаки того, что современная буржуазная византистика открыто вступила на путь фальсификации истории. Проанализировав в настоящем обзоре несколько важнейших статей из четырех томов этого журнала, мы постараемся вскрыть цели и приемы этой фальсификации.

Во всех четырех томах только одна статья ставит — во всяком случае, если поверить заглавию — существенную проблему истории Византии. Это статья П. Хараниса „К вопросу о социальном строе Поздней Римской империи“.¹

Подразумеваемая под „Поздней Римской империей“ Византию с III по XI в., Харанис пытается доказать, что строй Восточной Римской империи, созданный, по его словам, реформами Диоклетиана и Константина, оставался по существу неизменным вплоть до битвы при Манцикерте. Поэтому период, насыщенный крупнейшими социально-экономическими сдвигами и революционными событиями, изображается им как лишенный всякого развития. В полном единодушии с другими современными буржуазными историками² Харанис утверждает, что между историей Рима и Византии не было никакого перерыва. Обходя полным молчанием события V в., он умудряется не заметить и того огромного по своему значению и последствиям социально-экономического и этнического переворота, который произошел в Византии в VI—VII вв. и способствовал установлению феодального способа производства. Представляя историю Византии как непосредственное продолжение истории Рима, реакционные византилисты стремятся протащить идею о том, что римские традиции, под которыми они подразумевают „прочный государственный порядок“, „христианскую ортодоксию“ и т. п., были сохранены в средневековой Византийской империи и отсюда перешли в наследство „западной цивилизации“.³

Харанис так характеризует основные явления истории „Поздней Римской империи“: „Война и религия были двумя главными факторами, которые формировали общество империи и определили ее внешнее положение“ (стр. 57). Нетрудно видеть, что, выдвигая религию наряду с войной как один из важнейших факторов исторического развития, Харанис солидаризируется с другими современными буржуазными историками Поздней Римской империи, придающими церкви значение главной движущей силы в истории.⁴ Что же касается войны, то она в схеме Хараниса занимает первенствующее положение.

¹ P. Charanis. On the Social Structure of the Later Roman Empire, „Byzantion“, v. XVII, 1944—1945.

² Например, E. Dario. Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'empire romain aux premiers siècles du moyen âge, „Byzantion“, t. XVIII, 1946—1948.

³ См. Byzantium. An introduction to East Roman civilization, ed. by N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss, Oxford, 1949. Introduction.

⁴ W. Seston. Diocletian et la tétrarchie, Paris, 1946; L. B. Holsapple. Constantine the Great, New York, 1942.

Уже начиная обзор истории „Поздней Римской империи“, Харанис указывает на следующие три момента, сыгравшие, по его словам, „преобладающую роль“ в закреплении сословий в период установления домината: грозившая империи внешняя опасность, сокращение населения и все возрастающая потребность государства в деньгах. Главенствующую роль он отводит внешнеполитическому положению империи. Социально-экономическое развитие Византии интересует его в несравненно меньшей степени. Проблемы кризиса рабовладельческого хозяйства в Поздней Римской империи для Хараниса не существует. Если в Византии и происходили какие-либо перемены внутреннего порядка, то, по мнению Хараниса, они были плодом деятельности государства. Так, коренные изменения в социальном строе Византии, которые произошли в VI—VII вв. в результате кризиса рабовладельческого строя, революционных движений угнетенных масс и вторжения на ее территорию славян и других племен, переживавших процесс разложения первобытно-общинного строя, выдаются им за результат реформ, произведенных якобы императорской властью с целью отразить натиск этих „варваров“. „Перед лицом этой внешней опасности, — пишет Харанис, — были предприняты важные меры, которые существенно изменили общественную структуру империи, вдохнули новую жизнь в ее общество“ (стр. 41—42). Эти меры выражались в том, что государство якобы произвело „трансформацию“ социального строя Византии и создало широкие кадры свободных крестьян. Состояние „социальной неподвижности“, введенное Диоклетианом и Константином, было заменено новым строем, опиравшимся на свободную общину.

„Мудрость Ираклия и его преемников, — пишет Харанис, — заключается в том, что вместо того, чтобы испомещать этих людей („варваров“ — А. Г. и М. З.) на государственных или частновладельческих землях в качестве колоннов, они селили их как свободных людей свободными общинами, и тем самым в свободную сельскую общину были вдохнуты новые жизненные силы“ (стр. 48). Одновременно в византийском городе произошла смена закреплённых коллегий свободными цехами. Благодаря этому, считает автор, империя окрепла и смогла перейти в наступление на Востоке.

Таким образом, государство выступает у Хараниса в роли надклассовой силы, производящей коренные изменения в обществе.

В объяснении перемен, происшедших в социальном строе империи, Харанис расходится со многими буржуазными византинистами (например, Г. Острогорским), придерживающимися „фискальной теории“, в соответствии с которой возрождение свободной общины якобы произошло в результате фискальных реформ VII в., отменивших податную систему Диоклетиана. Однако Харанис не согласен с этими историками не потому, что они крайне преувеличивают значение финансовой политики империи, ибо, как мы видели, он сам изображает императоров демиургами истории. Он попросту считает, что причина возрождения общины заключалась не в фискальных, а в военных преобразованиях, произведенных при Ираклии и его преемниках. Это утверждение находится в полном соответствии с общей точкой зрения Хараниса, согласно которой „война делает историю“.

Наиболее выдающимся памятником, отражающим результаты военной реформы, Харанис считает „Земледельческий закон“. Не пытаясь решить вопрос о времени составления этого памятника, он категорически возражает против предположения о наличии в византийской общине VIII в. каких-либо пережитков коллективного землевладения

(стр. 44). Столь же решительно он отвергает влияние славянских переселений в Малую Азию на возрождение свободной общины в Византии, однако, не приводит никаких доказательств из источников.

Харанис не может не признать происходившего в течение последующих столетий упадка свободного крестьянства и его закрепощения крупными землевладельцами. Но и здесь его интересует не эта проблема, а роль государства, которое, по его мнению, выступало на стороне угнетенных народных масс. „Великие“ императоры X в., создавая угрозу для государства, создавшуюся в результате этого процесса, попытались остановить его, ослабить гнет землевладельческой аристократии; на этой почве разыгралась социальная борьба, которая послужила главной причиной военных неудач империи в XI в. Игнорируя классовую борьбу крестьян против их угнетателей, которая вынуждала македонских императоров умерять аппетиты феодальной знати в конечном счете в интересах самих феодалов, Харанис изображает сопротивление аристократов мероприятиям государства как факт, лежащий „в основе всего развития внутренней политики империи в X в. и определивший ее судьбу“ (стр. 52). Результатом борьбы между императорами и чиновничеством, с одной стороны, и военно-землевладельческой аристократией — с другой, явилось, по его мнению, поражение в битве при Манцикерте (1071 г.), — событие, которое завершает в схеме Хараниса историю „Поздней Римской империи“.

Не представляя собой оригинального исследования, работа Хараниса соединяет точки зрения различных реакционных византинистов, либо „подправляет“ их на еще более реакционный лад. Игнорирование объективных законов исторического развития, роли революционных движений народных масс; извращение вопроса о происхождении и подлинном характере сельской общины, изображаемой как порождение политики государства, и связанное с этим отрицание наличия в византийской деревне элементов общинного землевладения; антиславянская тенденция, нежелание признать значение славянских вторжений в Византию для ее развития в VII и следующих веках; выдвигание на первый план войны и религии как главных факторов исторического развития; наконец, упорное подчеркивание роли государства, якобы преобразующего общество и создающего новые классы, — таковы характерные черты не только работы Хараниса, но и других сочинений современных „столпов“ буржуазного византиноведения.

Значительное место занимают в „Byzantium“е вопросы истории славян и их взаимоотношений с Византией. Однако статьи и исследования, посвященные этим проблемам, носят по своей политической направленности ярко выраженный антиславянский характер. Подлинная история славян и их связей с Византией не интересует авторов „славянских исследований“ в „Byzantium“е. Их действительный интерес сосредоточен на фальсификации истории славян, цель которой — принизить прошлое славянских народов, в частности, умалить их значение для истории Византии.

Своего рода программой антинаучной деятельности зарубежных византинистов в этой области является речь А. А. Васильева, занимающего „почетное“ место среди современных фальсификаторов истории Византии, речь, произнесенная им при открытии в Нью-Йорке в апреле 1946 г. „Первого конгресса, посвященного изучению истории Византии, славян и Востока“.

А. А. Васильев посвятил свое вступительное слово задачам изучения истории славянства, которые он сформулировал чрезвычайно четко:

он прямо призывает буржуазных историков бороться против советского славяноведения и византиноведения и рассматривать проблемы византийско-славянских отношений в совершенно ином направлении, чем это делается в советской исторической науке. Указывая, что история славян и их связей с Византией всегда являлась материалом, который использовался „в интересах того или иного социального и культурного движения“, Васильев „забывает“ при этом пояснить, что современная буржуазная историография извращает историю славян в интересах международного и прежде всего американского империализма, ведущего подрывную деятельность в странах народной демократии, хозяйничающего на Ближнем и Среднем Востоке и грубо попирающего суверенитет малых стран.

Васильев предпочитает говорить о... славянофильстве (!). Славянофильство с середины XIX в. явилось, по мнению Васильева, той питательной средой, в которой произошло русское византиноведение (курьезно, что к числу славянофилов он относит и Т. Н. Грановского, обнаруживая полное забвение истории русской культуры). Клеветца на советское византиноведение, Васильев утверждает, что советские ученые якобы преувеличивают роль славян в истории Византии, и призывает буржуазных историков исследовать славянскую проблему в духе, чуждом подобных „крайностей“.¹

Не останавливаясь на статье Э. Хонигмана „Исследования по славянской церковной истории“,² в которой он пытается протащить излюбленную и истрепанную идейку западной буржуазной историографии об отсутствии исторической инициативы у славянских народов (эта статья уже подвергалась критическому разбору на страницах „Византийского Временника“),³ обратимся к рассмотрению работы П. Хараниса „Славянский элемент в византийской Малой Азии в тринадцатом столетии“.⁴ Харанис поставил перед собой двойную задачу: во-первых, показать незначительность славянских поселений на территории Византийской империи и, во-вторых, „подорвать“ ту научно доказанную точку зрения, согласно которой свободная община получила широкое распространение в Византии после славянских вторжений. Признавая, что Византия всегда была государством, чрезвычайно неоднородным по своему этническому составу, и что в исторических источниках неоднократно отмечается существование славян в Малой Азии, начиная с VII в., Харанис спешит опорочить эти указания историков. Поэтому он ставит под сомнение сообщения Феофана и других историков о численности славянских переселенцев. Образчиком „критики“ источников, к которой в этих целях прибегает Харанис, может служить его анализ рассказа патриарха Никифора о переселении в Малую Азию в VIII в. „племен славян“, численность которых хронист определяет в 208 тыс. человек. Отвергнув предположение Б. А. Панченко о том, что указанная цифра отражала лишь число воинов и, следовательно, общая численность переселенцев была значительно выше, Харанис отбрасывает затем и самые данные Никифора. По мнению Хараниса, морская переправа двухсот с лишним тысяч человек была невозможна.

¹ Подобные антиславянские тенденции проявляются и в других работах А. А. Васильева. См., в частности, его „The Russian attack on Constantinople in 860“, Cambridge—Mass., 1946, особенно стр. 64—70.

² E. Honigmann. Studies in Slavic church history, „Byzantion“, t. XVII, 1944—1945.

³ Ф. М. Россейкин. Буржуазная историография о византийско-моравских отношениях в середине IX в., „Византийский Временник“, т. III, 1950.

⁴ P. Charanis. The Slavic element in Byzantine Asia Minor in the thirteenth century, „Byzantion“, t. XVIII, 1946—1948.

Однако, если припомнить переход вандалов в Северную Африку, или завоевание англами, саксами и другими племенами германцев Британии в V—VI вв., или массовые переселения скандинавов в Англию в IX в., а также ряд других перемещений крупных масс населения через морские преграды в раннее средневековье, то станет ясной несостоятельность аргументации Хараниса.

Тем не менее, последний совершенно произвольно сводит численность упомянутых Никифором славян, переселившихся в Малую Азию, к нескольким десяткам тысяч человек, хотя хронист ясно говорит о целых племенах. Харанис утверждает далее, что и эти переселенцы якобы вскоре утратили свою самобытность и подверглись нивелирующему воздействию Византийского государства. Правда, вспомнив о роли славянского населения Малой Азии в восстании Фомы Славянина, он вынужден все же признать, что „есть некоторые данные, которые указывают на то, что процесс византинизации (byzantinization) был медленным, и в течение многих лет славяне Малой Азии сохраняли, по крайней мере частично, свой славянский характер“ (стр. 79). В XI—XIII вв., продолжает Харанис, о славянах в Малой Азии источники почти ничего не сообщают. Подобное молчание он считает возможным объяснить тем, что славяне якобы были поглощены „византийцами“. Следовательно, заключает он, славяне не могли внести ничего нового в общественное развитие империи.

Между тем, совершенно ясно, что Византийская империя, подобно другим империям древности и средневековья, представляла „конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“.¹ Современные буржуазные византологи предпочитают, однако, подчеркивать мнимую космополитическую сущность Византии, под влиянием которой входившие в империю народы, по их словам, теряли свою самобытность.

Харанис высказывается против мнения В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других русских историков относительно крупной роли, которую сыграли славяне в истории Византии. Он утверждает, что славянские переселения не оказали никакого влияния на судьбы византийской сельской общины. Указывая, что община существовала на территории Восточной Римской империи задолго до появления здесь славян, Харанис игнорирует тот твердо установленный советской наукой факт, что именно заселение значительной части Византии народами, находившимися на последней стадии разложения первобытно-общинного строя, оживило разрушавшуюся и исчезающую византийскую общину и сделало возможным переход от рабовладельческого способа производства к феодальному. Подобно тому, как германцы „омолодили“ Западную Европу своим родовым строем,² так и вторжение славян содействовало гибели рабовладельческого хозяйства в Восточной Римской империи.³

Тщетные усилия Хараниса умалить роль славян в истории Византии, не останавливаясь при этом перед прямым искажением показаний одних источников и игнорированием других, ясно обнаруживают ту же политическую тенденцию, которая столь резко проявляется в статье Хонигмана и речи Васильева.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 161—163.

³ См. Византийский Временник, т. III, 1950, стр. 12—13.

Со статьей Хараниса непосредственно перекликается статья А. Бона „Славянская проблема в Пелопоннесе в свете археологии“.¹ А. Бон стремится всячески запутать проблему славянской колонизации Балканского полуострова вообще и Пелопоннеса — в частности. Он объявляет эту проблему одной из наиболее темных в истории и утверждает, что письменные источники, содержащие якобы очень редкие и неясные известия о славянах, не дают возможности ни установить времени проникновения славян в Пелопоннес, ни определить их роль и влияние (стр. 13). Игнорируя исследования советских историков — М. В. Левченко, А. В. Мишулина, Е. Э. Липшиц,² подробно проследивших историю славянских вторжений на Балканы в VI—VII вв. и убедительно доказавших огромное историческое значение славянских вторжений в Византию, сочетавшихся с народными движениями внутри империи и в период кризиса рабовладельческого строя способствовавших гибели рабовладельческой формации, А. Бон пытается создать впечатление, что все попытки разрешить эти вопросы, предпринимаемые „вот уже сто двадцать лет“ (стр. 13), ведут якобы только к бесплодному столкновению „диаметрально противоположных мнений“ (стр. 15). Вынужденный признать значение данных топонимики, свидетельствующих о широком расселении славян в Пелопоннесе, А. Бон, однако, тут же пытается преуменьшить доказательную силу этих данных ссылкой на то, что они якобы не позволяют судить о продолжительности существования славянских поселений (стр. 16); нигилистически подходя к поставленной им проблеме, А. Бон с необыкновенной легкостью разделяется и с вещественными доказательствами распространения славян в Южной Греции, заявляя, что до сего времени будто бы „не существует бесспорных позитивных доказательств присутствия славян в Пелопоннесе“ (стр. 16), хотя ему хорошо известны, например, раскопки могильников в Коринфе (сер. VII в.), подтверждающие факт славянских вторжений в Южную Грецию.³ Нет надобности подробно останавливаться на всей этой лженаучной эквилибристике. Важно, однако, отметить одну чрезвычайно характерную для состояния славянской проблемы в современном буржуазном византиноведении черту исследования А. Бона. Археологические данные и в особенности нумизматический материал заставляют его все же признать существование „длительного периода глубоких потрясений в стране“ (стр. 18), явившегося результатом прихода и утверждения „иноземного населения“ (*populations étrangères*), т. е. славян (стр. 19). Однако, верный себе, А. Бон извращает действительную картину распространения славян на Балканах, изображая славян в качестве „мирно инфильтрирующихся“ в империю, „не воинственных“, „постепенно проникающих элементов“ (стр. 14) — эта „инфильтрация“, по А. Бону, не была ознаменована какими-либо битвами славян с византийскими армиями (стр. 14), — она произошла *sans choc violent, sans action militaire* (стр. 19). Совершенно очевидно, что все это — досужие вымыслы, полностью противоречащие показаниям источников, которые рисуют историю славянских вторжений

¹ А. Бон. Le problème slave dans le Peloponnèse à la lumière de l'archéologie. „Byzantion“, t. XX, 1950.

² М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII веках. „ВДИ“, 1938, № 4; А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи, „ВДИ“, 1939, № 1; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945.

³ См. G. K. Davidson. Archeological evidence for a slavic invasion of Corinth, „American Journal of Archeology“, v. XL, 1936, p. 128—129.

как бурный процесс борьбы славян против Византийского государства, пытавшегося наложить на славянские общины тяжелые пути византийского подданства.¹ В частности, известны многократные выступления против Византии и пелопоннесских славян — милингов и езеритов.² А. Бон возрождает старую теорию „ползучей“ и „постепенной“ славянской колонизации, признанную несостоятельной даже некоторыми буржуазными историками (например, Дж. Бьюри сравнивал славянское вторжение в Византию в VI—VII вв. с германскими вторжениями на территорию Западной Римской империи в IV—V вв.³). Эта „теория“ полностью опровергнута в трудах советских ученых, которые доказали, что вторжения славян в империю в сочетании с восстаниями рабов и колонов означали революционную ломку рабовладельческих устоев Восточной Римской империи, обеспечившую переход к феодальному способу производства.

К разобраным уже статьям по славянской тематике примыкает работа Г. Вернадского „Начало Чешского государства“,⁴ в которой рассматривается вопрос о возникновении первого государственного образования западных и южных славян — так называемого государства Само (623—658 гг.). Г. Вернадский, один из ярых приверженцев антинаучной норманнистской теории, и в этой статье остается верен самому себе. Вынужденный — в силу неопровержимости аргументов, приведенных в исследовании Н. П. Грацианского „Славянское царство Само“,⁵ — признать государство Само чисто славянским, а самого Само — славянином, он тем не менее разделяет распространенное в реакционной буржуазной историографии и находящееся в вопиющем противоречии с исторической действительностью мнение о „неспособности“ славян к самостоятельному государственному творчеству и о том, что „строителями“ славянских государств в раннее средневековье якобы выступали либо тюрки, либо германцы (стр. 315). Г. Вернадский считает, что факт образования государства самими славянами в VII в. представляет собой исключение, лишь подтверждающее якобы общее „правило“. Характерно, в частности, что будучи вынужден признать славянское происхождение Само, Г. Вернадский тут же приписывает восстание славян против аварского ига в 623 г. инициативе... византийской дипломатии (стр. 320—321). Конечно, за отсутствием каких-либо материалов в источниках, которые подтверждали бы его тезис о вмешательстве византийской дипломатии в качестве причины восстания 623 г., Г. Вернадскому приходится ограничиваться крайне натянутыми и совершенно неубедительными сопоставлениями различных фактов хронологического порядка.

Нельзя не отметить, что выводы Г. Вернадского о славянском происхождении Само, обставленные многочисленными оговорками, вызвали неудовольствие редакции „Byzantion“^а, снабдившей эту статью специальным примечанием А. Грегуара: последний заявил в довольно бесцеремонной форме своего рода „протест“ против признания Само славянским и настаивал — вопреки ясным показаниям источников — на франкском происхождении Само.

¹ Е. Э. Липшиц. Ук. соч., стр. 139.

² Там же, стр. 138.

³ J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, v. II, 1931, p. 293 sqq.

⁴ G. Vernandsky. The beginnings of the Czech State, „Byzantion“, t. XVII, 1944—1945.

⁵ Н. П. Грацианский. Славянское царство Само, „Исторический журнал“, 1943, № 5—6.

Это давно опровергнутое советским ученым Н. П. Грацианским положение А. Грегуар упорно отстаивает и в своей статье „Происхождение и имя хорватов и сербов“, помещенной в том же номере рецензируемого журнала¹ (стр. 103).

В основе этой работы А. Грегуара, не скрывающего ее политической направленности, также лежит тезис о прирожденной якобы „неспособности“ славян к самостоятельному созданию государства. На сей раз этот тезис развивается применительно к сербам и хорватам. А. Грегуар путем поистине фантастических, крайне произвольных сближений имен (Хрват — Куврат и т. д.) приходит к заключению, что создателями государства хорватов были турки — протоболгары (стр. 103). А. Грегуара не смущают такие общеизвестные факты, как, например, то, что тюркское племя протоболгар при Куврате жило в степях Приазовья, тогда как хорваты в то время находились в долине реки Савы, т. е. на северо-западе Балканского полуострова, что наша летопись упоминает русское племя хорватов. Какое дело А. Грегуару до фактов? — С полной безапелляционностью он утверждает, что глава хорватского восстания против аваров был тюркского происхождения (там же), пытаясь подтвердить это абсурдное положение ложной аналогией с якобы франкским происхождением Само.

Подчеркнутая тенденциозность, резко выраженная антиславянская направленность этой работы, полная антинаучность исследовательских „методов“ А. Грегуара, пренебрегающего историческими фактами в угоду своей предвзятой концепции, характеризует лицо этого представителя современной византиноведческой науки на Западе.

В рассматриваемых томах „Byzantion“² помещен ряд статей по истории крестовых походов и крестоносных государств на Востоке. В этих статьях затрагиваются в той или иной мере и вопросы истории Византии.

Крайней модернизацией проникнута сугубо антинаучная по своему содержанию работа английского историка Стивена Ренсимена „Переход первых крестоносцев через Балканы“.³ Подлинная история перехода крестоносцев через византийские владения интересует С. Ренсимена очень мало, хотя он и занимается рассмотрением путей и хронологии их продвижения к Константинополю. Как известно, эти вопросы давно уже были изучены, и ничего нового в этом отношении статья английского византиниста не дает. Ограничиваясь повторением выводов, добытых наукой десятки лет назад, С. Ренсимен в то же время всячески замалчивает те факты, которые действительно заслуживают внимания беспристрастного историка, — в частности, факты насилий и грабежей западных феодалов на Балканах. Он даже не упомянул о зверствах, совершенных в Далмации Раймундом Тулузским, этим „наиболее выдающимся“ крестоносцем, как именует С. Ренсимен южнофранцузского искателя добычи. Между тем „подвиги“ Раймунда Тулузского на Балканах ярко описывает хронист Раймунд Ажилский, который рассказывает, например, о том, как граф приказал выколоть глаза и отрубить руки и ноги захваченным в плен далматинцам³ и т. д. Обходя множество подобных фактов, свидетельствующих о том, что весь путь

¹ H. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, „Byzantion“, t. XVII, 1944—1945.

² S. Runciman. The First Crusader's journey across the Balkan Peninsula, „Byzantion“, t. XIX, 1949.

³ Raimundi de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Jherusalem, Recueil des historiens des Croisades (Hist. occid.), t. III, Paris, 1866, p. 235—236.

западных крестоносцев по Балканскому полуострову сопровождался грабежами и разбоями по отношению к местному населению, С. Ренсимен сознательно искажает действительную картину перехода западно-европейских феодалов через Балканы в 1096/97 г. Это искажение облика крестоносцев-феодалов не является результатом незнания автором источников: оно составляет своего рода „предпосылку“ для всей концепции, лежащей в основе его статьи. Дело в том, что С. Ренсимен, — как это ни странно, если иметь в виду заглавие статьи, — поставил своей задачей изучить... организацию провинциального управления в балканских областях Византии: именно с этой целью он решил привлечь известия латинских хроник первого крестового похода о взаимоотношениях крестоносцев и Византии во время перехода первых через Балканы. Правда, никакого представления о византийской администрации в балканских землях статья С. Ренсимена не дает, поскольку автор не потрудился собрать хотя бы те немногие данные, которые имеются в латинских хрониках на этот счет.

Изражая источники, выдвигая совершенно необоснованные гипотезы (например, на стр. 212), С. Ренсимен стремится доказать, что грабежи и всякого рода „эксцессы“ со стороны крестоносцев в византийских владениях на Балканах являлись редким исключением, потому что Алексей Комнин будто бы позаботился о том, чтобы оказать крестоносцам дружественный прием. С. Ренсимен утверждает, что император привел в действие весь механизм византийской провинциальной администрации, чтобы снабдить крестоносцев съестными припасами и обеспечить им безопасность в пути (стр. 209—210). Несмотря на трудности, стоявшие перед ним, — крестоносцев было до 100 тыс. человек — Алексей, утверждает С. Ренсимен, успешно справился с этой задачей. Отсюда английский историк делает вывод, составляющий едва ли не главное „зерно“ его антиисторического построения, — вывод о совершенстве государственной машины Византии: он превозносит мудрость и тактичность византийских чиновников и всячески восхваляет мнимые достоинства византийской провинциальной администрации на Балканах (стр. 220—221).

В сущности перед нами обычная в буржуазном византиноведении идеализация византийской системы государственного управления, рассматриваемой, однако, в данном случае, в особом аспекте, а именно — с точки зрения ее способности наилучшим образом обеспечить интересы западных „союзников“ Византии.

Само собой очевидно, что как оценка С. Ренсименом политики Византии в отношении крестоносцев, так и его вывод о „совершенстве“ административного аппарата империи не имеют под собой никакого научного основания. В действительности Алексей Комнин, который, по словам его дочери и историографа Анны Комнин, был напуган известием о нашествии бесчисленных франкских ополчений,¹ не собирався заботиться о благополучии крестоносцев: он стремился к тому, чтобы оградить византийские владения от разнузданности грабительских орд, явившихся с Запада, не допустить того, чтобы все они подошли к Константинополю в одно и то же время.² Кроме того, император непрочь был, по возможности, ослабить крестоносные войска, чтобы сделать их предводителей сговорчивее в дальнейшем (как известно, Алексей

¹ Анна Комнина. *Alexias*. ed Bonn, 1878, t. II, p. 28—29.

² Ср. Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, т. III, М.—Л., 1948, стр. 148.

старался использовать войска крестоносцев к выгоде Византии): именно с этой целью отряды печенегов, находившиеся на службе у Алексея, получили приказ совершать постоянные налеты на крестоносцев, направлявшихся к византийской столице, — этот приказ неуклонно выполнялся, о чем с раздражением упоминают латинские хроникеры.¹ О каком-либо дружественном расположении Алексея Комнина к западным пришельцам не может быть и речи.

Что касается „совершенства“ правительственного механизма Византии в XI в., то оно является лишь фантастическим домыслом современных буржуазных ученых. „Совершенство“ государственной системы Византии проявлялось разве только в искусстве выколачивать подати.

Фальсификация С. Ренсименом событий XI в. имеет определенную политическую направленность. Автор „препарировал“ свою тему только для того, чтобы дать своеобразный „исторический урок“ тем странам, которые ныне оказались под пятой американских агрессоров: „мудрая и дружественная“ политика Алексея Комнина, якобы использовавшего „эффективные“ методы византийской администрации для обеспечения нужд крестоносцев, должна служить примером „в настоящее время“ — таков вывод С. Ренсимена (стр. 221). „Исследование“ С. Ренсимена представляет собой, таким образом, квази-исторический экскурс, написанный ради оправдания реакционной политики американских империалистов в Западной Европе и не имеющий никакого отношения ни к истории крестовых походов, ни к истории Византии.

С идеями работы С. Ренсимена близко соприкасается по своей направленности статья П. Хараниса „Византия, Запад и возникновение первого крестового похода“, опубликованная в XIX томе „Byzantion“². Она посвящена вопросу о роли византийской политики в возникновении первого крестового похода. В основе статьи лежат два положения: 1) после разгрома греков при Манцикерте (1071 г.) и вплоть до 1095 г. дипломатия Византии преследовала цель заручиться союзом западных сил для того, чтобы с их помощью изгнать турок-сельджуков из Малой Азии; 2) Запад в конце XI в. в лице папства охотно протянул империи руку помощи и выступил в роли спасителя Византии от турецкой угрозы. Вывод: византийская дипломатия на Западе и дружественная в отношении Византии политика папства явились непосредственными „возбудителями“ первого крестового похода.

Политический смысл концепции П. Хараниса совершенно ясен: он стремится показать, с одной стороны, историческое бессилие и беспомощность Византии, вынужденной обращаться на Запад за поддержкой против „восточных варваров“, и, с другой стороны — представить папство и „Запад“ в целом в качестве спасителя Византии от восточной опасности. Такова нехитрая подоплека статьи П. Хараниса, греческого историка, склонившегося перед долларом заокеанского „спасителя“ Греции и его верным слугой — Ватиканом. В конечном итоге политическая направленность его работы состоит в реабилитации разбойничьих подвигов западных феодалов во время первого крестового похода, совершенных по призыву папства, в изображении этих „подвигов“ в виде помощи Византии. Как видим, „помощь с Запада“ — излюбленная „идея“ современной маршаллизированной буржуазной историографии — высту-

¹ См. например, *Gesta Francorum*, lib. I, cap. VI, *Recueil des historiens des Croisades* (Hist. occid.), t. III, Paris, 1866, p. 123; *ibid.*, cap. X, p. 124.

² P. Charanis. *Byzantium, the West and the origin of the First Crusade*, „Byzantion“, t. XIX, 1949.

пает в работе П. Хараниса важнейшим фактором событий международной жизни конца XI в.

Порочные политические тенденции статьи П. Хараниса явственно обнаруживаются и при конкретном анализе событий, ближайшим образом предшествовавших первому крестовому походу. Так, П. Харанис старается доказать, что в 1095 г. Алексей Комнин, стремясь добиться выступления Запада против турок-сельджуков, направил своих послов на Пьяченцкий собор. Обращение византийского императора, как он утверждает, встретило вполне благожелательный отклик у папы, и в Пьяченце в ответ на просьбу послов Алексея Комнина Урбан II провозгласил крестовый поход (стр. 27), повторив затем в своей речи на Клермонском соборе призыв к оказанию помощи грекам (стр. 35).

Необходимо отметить, что вопрос, поднятый П. Харанисом, является далеко не новым. Фактическая сторона истории византийской политики на Западе накануне первого крестового похода давно уже выяснена. Русские византинисты В. Г. Васильевский¹ и Ф. И. Успенский,² на Западе — П. Риан³ и Ф. Шаландон⁴ (позднее Г. Острогорский⁵) показали, что Алексей Комнин действительно обращался на Запад. Но это происходило в промежуток времени между 1088 — началом 1091 гг., в критический для Византии момент, когда империя, по выражению В. Г. Васильевского, „тонула в турецком нападении“.⁶

Однако к лету 1091 г. Алексей Комнин с помощью половцев сумел избавиться от печенежско-турецкой опасности; нужда в помощи из Европы отпала. Поэтому появление в 1097 г. под стенами Константинополя крестоносцев, преисполненных откровенно грабительских намерений, не только не стояло в прямой связи с его просьбами о помощи, но было чревато для Византии серьезными опасностями и осложнениями. Именно это обстоятельство определило политику Алексея Комнина по отношению к крестоносцам.

Таким образом, уже давно было доказано, что просьба Алексея Комнина не являлась непосредственной причиной первого крестового похода: если призыв Алексея к Западу о помощи и имел место, то за пять-семь лет до начала крестового похода. Следовательно, этот призыв может рассматриваться в крайнем случае лишь в качестве весьма отдаленной и косвенной причины начала организации разбойничьего предприятия западных феодалов.⁷

Тем более невозможно усматривать ближайшую причину первого крестового похода в стремлении Урбана II „спасти“ Византию. Римского

¹ В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 83—96 и Приложение IV, стр. 149—169.

² Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 139 и сл.

³ P. Riant. Inventaire critique des lettres historiques des croisades, 1-ère partie, Archive de l'Orient latin, t. I, Paris, 1881, p. 101—105.

⁴ F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène (1081—1118), Paris, 1900, p. 129 ss, 155 ss; его же. Histoire de la première croisade, Paris, 1925, p. 17—18.

⁵ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, München, 1940, S. 225.

⁶ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 77.

⁷ Отметим попутно, что, выдвигая версию об обращении Алексея Комнина к папе в 1095 г., П. Харанис только повторяет положение Л. Брейе, высказанное около 50 лет назад. L. Bréhier. L'Eglise et l'Orient au moyen âge. Les Croisades, Paris, 1907, p. 61—62. Впрочем, этот идейный предшественник П. Хараниса в те времена еще отдавал себе отчет в том, что, даже обращаясь на Запад за поддержкой, Алексей Комнин „был далек от того, чтобы поднимать большие армии“, и главное, что папа, призывая к крестовому походу, вовсе „не отвечал желаниям“ византийского императора; он преследовал собственные цели (которые, разумеется, Л. Брейе изображал как цели чисто религиозные).

первосвященника на самом деле интересовал другой вопрос. Урбан II жадно стремился к присвоению богатств восточной церкви. Он бросил призыв к крестовому походу отнюдь не ради спасения Византии, а для того, чтобы включить Ближний Восток в орбиту политического влияния Римской курии.

П. Харанис вновь возвращается к давно решенному в науке вопросу о времени обращения Алексея Комнина на Запад и фальсифицирует истинные мотивы крестоносной политики Урбана II лишь для того, чтобы реабилитировать византийскую политику папства, показать, что крестовый поход был вызван якобы дипломатическими сношениями Алексея Комнина с Римом, что призыв Урбана II в 1095 г. к крестовому походу был прямым откликом Запада на обращение Алексея Комнина, продиктованным желанием папы „спасти“ Византию.

В полном соответствии с глубоко порочной „концепцией“ П. Хараниса стоят и приемы „исследования“ им источников, которые подвергаются крайне искусственному, натянутому, противоречащему основным правилам критики исторических памятников и потому совершенно необудительному истолкованию.

В ином плане, но также чрезвычайно характерны для современной буржуазной медиевистики статьи Дж. Л. Ламонта „Сеньоры Сидона в двенадцатом и тринадцатом веках“¹ и М. Е. Никерсон „Сеньория Бейрута в двенадцатом веке и бейрутско-бланшгардский дом Брайсбаров“.² Обе статьи посвящены „разысканиям“ в области генеалогии и матримониальных отношений двух западноевропейских феодальных династий — Гренье и Брайсбаров, утвердившихся в захваченных крестоносцами в 1110 г. Сидоне и Бейруте — крупных торгово-промышленных центрах Востока.

Отдельные, не лишенные интереса наблюдения авторов по истории крестоносных государств в Сирии и Палестине тонут в массе генеалогических, матримониальных и хронологических фактов, перечисление которых составляет главное содержание статей. Невольно возникает вопрос об источниках такого, казалось бы, более чем странного, для историков середины XX в., интереса к истории феодальных династий и их отдельных представителей, интереса, который, заметим попутно, упорно проявляется в буржуазной медиевистике в последнее время (назовем хотя бы такие специальные исследования, как работы Ж. Ришара,³ М. У. Болдуина,⁴ Р. Л. Вольфа,⁵ не говоря уже о так называемых „солидных“ трудах, вроде сочинения того же Дж. Л. Ламонта об Иерусалимском королевстве⁶ или трехтомной работы Р. Груссе „История крестовых походов“,⁷ в которых вопросам династической истории также отведено непомерно большое место). Ответ на этот вопрос дают сами статьи Дж. Л. Ламонта и М. Е. Никерсон. „Увлечение“ династическими сюжетами является в работах этих и других буржуазных историков оборотной стороной их крайнего равнодушия

¹ J. L. La Monte. The Lords of Sidon in the Twelfth and Thirteenth centuries. „Byzantion“, t. XVII, 1945.

² M. E. Nickerson. The seignury of Beirut in the Twelfth century and the Brisebarre family of Beirut — Blanchegarde. „Byzantion“, t. XIX, 1949.

³ J. Richard. Le comté de Tripoli sous la dynastie Toulousaine, Paris, 1945.

⁴ M. W. Baldwin. Raimond III of Tripolis, Princeton, 1936.

⁵ R. L. Wolff. Baldwin of Flanders and Hainaut, First Latin Emperor of Constantinople, „Speculum“, 1952, № 3.

⁶ J. L. La Monte. Feudal Monarchy in the Kingdom of Jerusalem. Cambridge — Massachusetts, 1932.

⁷ R. Grousset. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. Paris, 1934—1936. Первый том переиздан в 1948 г.

к судьбам подлинных творцов истории — трудящихся масс, средневековых крестьян и ремесленников, — за счет труда которых существовали все эти Гренье, Брайсбары, Лузиньяны и прочие колонизаторы Ближнего Востока в XII—XIII вв. Кроме того, следует отметить, что и в этих статьях, трактующих как будто вопросы, которые должны представлять сугубо „академическое“ значение, имеет место извращение исторических фактов, цель которого — обелить западных крестоносцев, грабительски хозяйничавших в Сирии и Палестине, подчеркнуть „благотельность“ их политики для туземного населения и т. д., — тенденция, чрезвычайно характерная для современных буржуазных историков латинских государств на Востоке.¹ Так, Дж. Л. Ламонт голословно отвергает свидетельства восточных историков (Михаила Сирийца и Абу-ль Фараджа) о разбойничьем поведении Жерара Сидонского (1147—1170 гг.) в Иерусалиме и в Антиохии (стр. 192). Так, М. Е. Никерсон говорит о „сердечных отношениях“, якобы установившихся при правителе Бейрута Готье I (1125—1126 гг.) между завоевателями-франками и „коренным населением“ (стр. 149), хотя это утверждение полностью опровергается свидетельством такого авторитетного источника, как „Иерусалимская история“ Фульшера Шартрского: последний сообщает о том, что арабские крестьяне отказывались платить подати (*ruricolae Sarraseni tributa... reddere polebant*), и рассказывает, как правитель Бейрута прибегнул к силе, чтобы принудить их к повиновению.²

С особым удовлетворением оба автора повествуют о тех западных политиках, которые для укрепления своих позиций на Востоке разжигали рознь между мусульманскими правителями. М. Е. Никерсон специально указывает на то, как якобы умело „христиане использовали к собственной выгоде столкновения между мусульманами“ (стр. 182).

Идеологи империализма, ныне все более и более теряющего свои позиции в колониальных и зависимых странах, — буржуазные историки обращаются к деятельности западных колонизаторов XII—XIII вв., чтобы найти там „образцы для подражания“, следуя которым современные душители народов колоний могли бы сохранить свое господство на Ближнем Востоке. Как видим, даже „безобидные“ на первый взгляд матримониально-генеалогические разыскания современных буржуазных историков служат целям реакции.

В рецензируемых сборниках „Byzantion“³ публикуется ряд статей по истории международных отношений Византии. Подавляющее большинство из них находится на весьма низком научном уровне и ничего нового в науку не вносит.

К числу такого рода работ относится статья Р. Лопеса „Проблема англо-византийских отношений с VII по X столетие“⁴, представляющая собой попытку доказать существование связей между англо-саксами и Византией задолго до нормандского завоевания 1066 г., после которого многие из покинувших Англию англо-саксонских феодалов появились в Византии на военной службе у императора.⁴ Факт переселения английских тэнов из северо-западной части Европы в далекий Констан-

¹ См. рецензию А. Гуревича на кн. J. Longa. *L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée*, Paris, 1949, „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 284 и сл.

² *Fulcherii Carnotensis Historia Iherosolymitana*, lib. III, cap. XLV, *Recueil des historiens des Croisades (Hist. occid.)*, t. III, Paris, 1866, p. 473.

³ R. S. Lopez. *Le problème des relations Anglo-Byzantines du septième au dixième siècles*, „Byzantion“, t. XVIII, 1946—1948.

⁴ См. A. A. Vasiliev. *The opening stage of the Anglo-Saxon immigration to Byzantium in the eleventh century*, „Seminarium Kondakovianum“, IX, 1937.

тинополь дает основание Лопесу предположить, что Англия и в предшествующий период поддерживала сношения с Византией, ибо он считает невозможной иммиграцию англо-саксонских тэнов в совершенно не известную им страну. Лопес прав, когда он указывает, что удовлетворительно разрешить проблему англо-византийских отношений в период раннего средневековья возможно лишь при совместной работе специалистов по истории Англии и византологов. Историк Византии — Лопес, естественно, оказался в состоянии собрать данные по интересующему его вопросу, содержащиеся лишь в греческих источниках, оставив по существу необследованными памятники англо-саксонской истории, с которой он знаком преимущественно по литературе. Однако приводимые Лопесом сведения, по большей части давно известные в науке, не содержат ни одного бесспорного доказательства наличия каких-либо прямых отношений между Византией и Англией ранее XI в. И это вынужден признать сам автор рецензируемой статьи.

Сведения об англо-византийских отношениях, которые приводит Лопес, сводятся в основном к следующему. Прокопий Кесарийский, упоминающая Британию, или, как он ее называет, „Бриттию“, отмечал, что король франков Теодеберт отправил вместе с посольством к Юстиниану нескольких жителей Англии: он хотел этим доказать, что его власть распространялась на их родину.¹ Далее, археологами обнаружены в Англии византийские драгоценности, попавшие в нее в VII в. В „Житии св. Иоанна“, патриарха Александрии, умершего в 616 г., содержится рассказ о посылке судна с зерном в Британию, где это зерно было частично обменено на цинк, якобы превратившийся по воле святого в серебро. Лопес высказывает предположение, что в этой легенде отразились действительно имевшие место торговые связи Византии с Англией, ставшие возможными после завоеваний Юстиниана в Западной Европе. Наличие в одном из англо-саксонских королевств, Мерсии, в VIII в. арабских монет в свою очередь указывает, по мнению Лопеса, на существование торговли англо-саксов с халифатом, а, следовательно, также и с Византией. От периода VIII—IX вв. никаких указаний на сношения между Англией и Византией он не обнаруживает. В X в., по его мнению, можно отыскать следы воздействия византийского права на англо-саксонское законодательство. Особо останавливается автор на том факте, что англо-саксонские короли иногда именовали себя титулом „басилевс“.

Нетрудно видеть, что все эти данные не могут служить доказательством существования прямых сношений между Англией и Византией. Некоторые элементы византийской культуры, как и влияние византийского права, действительно обнаруживаемые у англо-саксов, были принесены в Англию духовенством из Италии. Точно так же византийские драгоценности и монеты могли попасть в Англию окольными путями. Легенды, которые рассказывает Прокопий о Британии, свидетельствуют о чрезвычайно слабом знакомстве византийцев VI в. с англо-саксами.

Вряд ли много нового даст в этом отношении и изучение англо-саксонских источников. Однако отдельные указания в них все же можно почерпнуть. Так, например, в „Церковной истории“ Бэды (начало VIII в.) имеется сообщение о франкском епископе Аркульфе, посетившем Иерусалим, Дамаск, Константинополь, Александрию и „множество островов“ и на обратном пути на родину заброшенном бурей в западную часть Англии. Здесь он нашел приют у местного аббата по имени Адамнан,

¹ Прокопий Кесарийский. Война с готами, IV, 20.

который с его слов составил описание „святых мест“, „очень полезное для тех, кто живет далеко от стран, где были патриархи и апостолы, ничего не зная о них, помимо того, о чем можно прочесть в книгах“.¹ Аркульф мог сообщить жителям Англии много сведений и о Византии. Как явствует из слов Бэды, рассказы эти воспринимались с большим интересом, а автор их был награжден королем Нортумбрии, повидимому, придававшим этим сведениям важное значение. Сообщение Бэды заслуживает внимания, так как, по рассказам Аркульфа, англо-саксы действительно имели возможность познакомиться с Византией. Однако вместе с тем, характер этого знакомства — через случайно попавшего в Англию франкского священника — и интерес, который пробудил рассказ Аркульфа, заставляет думать, что какие-либо прямые связи между обеими странами в это время отсутствовали. Лопес высказывает сомнение в том, что англо-саксонские эмигранты, покинувшие Англию в 1066 г., отправились бы в Византию, ничего о ней не зная. Но они могли получить интересовавшие их сведения от скандинавов, напавших на Англию непосредственно перед нашествием Вильгельма Нормандского и знакомых с Византией.

Таким образом, в целом проблема, поставленная Лопесом, не может считаться разрешенной.

Подобную же научную беспомощность демонстрирует исследование иезуита П. Губера о взаимоотношениях между иранским шахиншахом Хосровом II и византийским императором Мавриkiem.² В этой работе автор большей частью ограничивается повторением хорошо известных фактов из истории ирано-византийских отношений в конце VI — начале VII в. [эти события в последнее время получили глубокое освещение в работе советского исследователя Н. В. Пигулевой „Византия и Иран на рубеже VI и VII веков“ (М. Л., 1946)]. Когда же П. Губер выходит за рамки известного материала, он либо копается в мелочах, пытаясь, например, проследить маршрут бегства Хосрова II в византийские владения, либо же пускается в совершенно не обоснованные фактами рассуждения о „переживаниях“ своих героев. Этот квази-психологический анализ сочетается у П. Губера со столь обычной для буржуазных историков идеализацией коронованных особ: по П. Губеру, Маврикий в своих отношениях с Ираном руководствовался, оказывается, не столько политическим расчетом, сколько... чувством сострадания к несчастному беглецу — Хосрову II; с другой стороны, последний в своей политике по отношению к Византии после 602 г. также исходил не столько из своих политических интересов, сколько из желания... отомстить Фоке за гибель своего „благодетеля“ Маврикия.

Для исследования П. Губера вообще чрезвычайно характерно крайнее преувеличение роли „царственных особ“ в истории: именно им принадлежит, по П. Губеру, ведущая роль в исторической жизни. Говоря о перевороте 602 г., П. Губер вовсе не пытается выяснить причины внутреннего ослабления Византийской империи, облегчившего последующие успехи Хосрова II; его не интересует положение народных масс и вообще процесс социально-экономического развития Византии. На первом плане у П. Губера — судьбы правителей.

С крайним преувеличением роли личности в истории в работе П. Губера связана и другая черта его „методологии“, примечательная

¹ Beda. *Historia ecclesiastica*, V, 15; См. *Opera historica*, ed. J. E. King, vol. II, p. 282.

² P. Goubert. *Les rapports de Khosrau II roi des roi Sassanide avec l'empereur Maurice*, „Byzantion“, t. XIX, 1949.

для современной буржуазной историографии, — отрицание закономерностей исторического развития. „Судьба империй зависит от невесомых случайностей“, — пишет П. Губер (стр. 97). В этих словах антинаучные принципы порочных построений историка-иезуита, стремящегося исказить исторический процесс, сформулированы с откровенным цинизмом.

Не имея возможности подвергнуть подробному рассмотрению остальное содержание четырех томов журнала, считаем необходимым в заключение отметить некоторые характерные особенности не затронутых нами в настоящем обзоре материалов, помещенных в этих томах. Это прежде всего подчеркнутый интерес к религиозно-церковной тематике; современные буржуазные ученые, игнорируя историю народных масс, проявляют, напротив, пристальное внимание к жизни и деятельности самых второстепенных представителей византийской церкви, занимаясь составлением списков и классификацией христианских „мучеников“ и „святых“ (С. Салавиль) и т. д.

Нам уже приходилось указывать на мелочность и незначительность тематики подавляющего большинства статей, помещенных в „Byzantion“. Прогрессирующая деградация современного буржуазного византиноведения особенно резко проявилась в последних — XIX и в XX — томах журнала, материалы которых поражают своей калейдоскопичностью и незначительностью поставленных в них вопросов. В этих томах можно найти и „научные“ размышления об историческом значении перенесения останков св. Лазаря с острова Кипра в Византию и о культе св. Григория в Боснии и скрупулезный анализ таких „существенных“ вопросов, как история покупки ворот константинопольской св. Софии и т. д., — вплоть до отдающих глубоким маразмом изысканий об александрийской коллегии вылавливателей прокаженных. Зато здесь совершенно отсутствуют исследования по сколько-нибудь действительно важным вопросам византийской истории. Последние томы „Byzantion“ а — свидетельство полного оскудения научной мысли буржуазных историков. Единственный интерес для специалиста в рецензируемых томах „Byzantion“ а могут представлять некоторые публикации эпиграфических и других источников.

В целом содержание этих томов журнала подтверждает факт крайнего вырождения буржуазного византиноведения, открыто ставшего на службу реакционной буржуазии.

II. РЕЦЕНЗИИ

А. Л. ЯКОБСОН. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОНЕС (XII—XIV вв.)

Материалы и исследования по археологии СССР. № 17
Изд-во Академии Наук СССР. Москва—Ленинград, 1950. 256 стр., 160 рис.,
40 + 22 табл. Цена 33 р. 50 к.

Давно уже ощущается необходимость в систематическом, подводящем итоги многолетних работ, обозрении богатых археологических материалов средневекового Херсонеса (или Херсона, как его называли средневековые источники), равно как и в монографии по истории этого города, причем построенной главным образом на этих именно материалах. Эту задачу — в отношении наименее исследованного позднесредневекового Херсонеса — взял на себя сотрудник Института истории